

Наталья Ракшина

ПРОЛОГ

Невыносимо сиял на солнце снег. Под пронзительно-синим небом, исчерченным серебристыми штрихами тонких облаков, зеркалом лежала равнина, на которой редкими вкраплениями темнели участки хвойного леса, тихого и безмолвного в это суровое время года. Мороз усиливался. Мириады спрессованных кристаллов снега и льда образовали гигантское парчовое покрывало, укутавшее на зиму спящий зеленый мир. Крохотные искорки серебристых, розовых, синих и даже апельсиново-желтых оттенков играли прихотливым преломлением света, радуя взор и одновременно выжимая слезы из глаз не только от яркого сияния, но и от холода тоже.

Гигантские сумарийские кедры, столь редкие в предгорьях, служили домом или временным приютом сотням живых существ, от крохотных букашек, спрятавшихся под корой до весны, до медведей, залегших в спячку в глубоких берлогах под корнями. В этот солнечный и люто-морозный день не каждый бодрствующий зверь захотел бы покинуть свое укрытие — но только не орланы. Для них наступило время гнездования, так что на вершинах гигантских кедров было шумно и суетливо. Величавые птицы обновляли гнезда, восстанавливали пары, искали новых спутников жизни. Некоторые просто сидели на мощных ветвях, острым взором осматривая местность в поисках возможной добычи.

Для своего пропитания они не высмотрели ничего, но могли видеть, как за возможной добычей гонится кто-то другой... *Человек*. Не менее величавый, чем орланы — цвета его семейного стяга, черные с золотом, были хорошо известны и невольно вызывали почтение. Не менее опасный — многие старались поскорее убраться с его дороги. Не менее... Стоп! Куда *более* жестокий, чем орланы — ибо бессловесным тварям не свойственна та осознанная свирепость, которая входит в перечень недостатков людей, а особенно мессира Ледяных пустошей, Лодовико Ди Йэло¹ Третьего.

По спрессованному снегу раздается топот копыт, такой гулкий на морозе. Именно здесь накатан лучший санный и конный путь предгорий Сумары. Летит вперед по сияющей белизне хищный клин преследователей, одетых в черное с золотом. Десяток всадников, впереди которых на могучем вороном жеребце мчится тот, от которого орланы шарахнулись бы, если бы знали перечень приписываемых ему деяний.

Ему чуть меньше тридцати лет, но выглядит он старше; он статен и строен, широк в плечах и не обижен внешнестью, с первого взгляда привлекающей внимание своей грубоватой мужской красотой, которая более желанна для прекрасного пола, нежели смазливая юная утонченность. Синеглазый брюнет с орлиным профилем и таким же взором, от которого не ускользнет ничто и никто — ни выгода, ни власть, ни враг, ни хорошенькая женщина. Несмотря на холод, он скачет с непокрытой головой, его смоляные кудри и короткая черная борода припорошены инеем. Мороз ему не страшен — мессир Ледяных пустошей зимой распоряжается магией холода по собственному усмотрению и в рамках Устава рыцарей Третьего Храма, сейчас это его стихия, не способная причинить ни малейшего вреда. Спутники Лодовико не являются магами, это его личная

¹ От исп. de hielo — «ледяной». — Здесь и далее примеч. авт.

охрана, не менее преданная, чем верные псы. Они одеты куда теплее своего сюзерена, но в лихости, удалстве и творимом беспределе стараются не отставать.

Сейчас этот хищный клин преследователей распадается, пытаясь окружить и взять в кольцо предполагаемую добычу — теплый зимний возок, запряженный шестеркой лучших лошадей, летящих быстрее ветра. Тяжелые мощные скакуны воинов легконогим бегунам не соперники, и возница это знает, но от души подзадоривает коней ударами хлыста и криками:

— Йа-а-а! Йа-а-а!

Но что такое? Будто по волшебству, далеко впереди поднимается на дыбы не земля, нет — спрессованный белый покров. Со скрипом и треском встает пылающая на солнце стена из парящих в воздухе белых глыб и кусков поменьше; стена, окутанная клубами мелкой снежной пыли. Есть простор для маневра, есть время, но поворачивать нужно немедленно, иначе будет беда. Впрочем, она будет в любом случае, ибо поворот означает встречу с людьми, одетыми в черное с золотом.

На то и расчет.

Возница зажмурился от летящей в лицо ледяной крошки. Шестерка лошадей встала, кони храпели и топтались на месте, а вокруг, будто крылья коршунов, замелькали черные плащи, подбитые волчьим мехом. Нарядный зимний возок оказался в плотном кольце, всадники быстро спешивались со смехом и пошлыми шутками, способными вогнать в краску кого угодно.

На пожилого возницу в упор смотрели синие, как небо, глаза.

— Мессир, пощадите... у меня внуки... пожалуйста...

Пожилой мужчина повалился с облучка прямо в снег, на колени, стаскивая с головы потертую лисью шапку, ожидая удара хлыстом или, хуже того, превращения в ледяную глыбу на месте.

— Пшел вон, — сквозь зубы произнес обладатель синих глаз и смоляных кудрей, падающих на лоб слипшимися от инея черными стрелами.

Приоткрыв глаза и с благодарностью отползая в сторону, возница видел, как металлические накладки на латной перчатке рыцаря Третьего Храма стремительно обрастают ледяной броней, а потом правый кулак с утроенной силой врезается в дверцу возка, выламывая ее с хрустом. Мессир Лодовико Третий не стал утруждать себя поиском кожаной петли, за которую нужно просто потянуть, чтобы дверца открылась.

Наружу вырвался теплый воздух — в глубине нарядного возка было уютно, там работало заклинение Зимнего очага, обеспечивающее комфорт в пределах разумного. Внутри находилась та, ради которой погоня и затеивалась, — хрупкая белокурая девушка с косами, обвитыми вокруг головы, одетая в громоздкое зимнее платье из плотной шерстяной ткани темно-синего цвета, подчеркивающее белизну ее кожи. При треске и грохоте выломанной с мясом дверцы она отпрянула к стенке возка, обитой разноцветным войлоком, но летящие щепки, кусочки стекла и фрагменты ледяной брони с латной перчатки ее даже не задела. Сейчас она видела перед собой разгоряченное скачкой мужское лицо и чувствовала, что против воли ее щеки заливают бледность, а к горлу подступает комок слез, порожденных отчаянием.

— Далеко собрались, мэйс Бьянка? — спросил преследователь резким, низким и довольно-таки злым голосом, от которого отчаяния у белокурой девушки как-то не прибавилось.

Ответить было нечего. Говорить о том, что потеряла голову, пытаюсь сбежать от того, кого считала мертвее мертвого, бессмысленно. Хотела пересечь границу Сумары, пренебрегая семейной честью, брачным договором, на-

следствием — чем угодно, только подальше отсюда! Рассчитывала стать нищей и свободной от всего... Не получилось.

Мессир Ледяных пустошей подал своей законной добыче руку, приглашая выйти. Девушка едва притронулась к ледяной перчатке, морщась при покалывании в пальцах, перерастающем в боль от соприкосновения с лютым холодом магии. Тут же неслышно подступил кто-то из свиты рыцаря Храма, набрасывая девушке на плечи роскошную длинную накидку из золотистого меха редких сумарийских соболей. На голову опустился капюшон, невесомо-легкий, но способный оградить драгоценную добычу от любой стужи. Губы синеглазого мужчины тронула усмешка.

— Не очень подходит к цвету платья. Моя промашка, мэйс Бьянка. И такие простенькие платьица отныне вы носить не будете. Это тряпье для жены мещанина, оскорбляющее мой вкус.

Девушка вскинула свою белокурую головку, избавляясь от мехового капюшона. Она полностью овладела собой, ее учили этому давно и тщательно. Ее готовили к будущему замужеству с чудовищем, вышколив как породистую лошадь. Никто не увидит ни отчаяния, ни слез.

— Я предпочла бы продолжить путь в своем простом платьице. Без вас.

Ответом стал пренебрежительный смех. Ни слова не говоря, Лодовико подхватил беглянку на руки, усаживая в седло своего скакуна и легко вспрыгивая сам.

И никто из участников сцены так и не заметил, насколько напуганы они оба. Она — потому что не ожидала увидеть живым того, чей облик преследовал ее в страшных девичьих снах. Он... А он был напуган не меньше, ибо тщательно и умело, но так неохотно выдавал себя за того, другого, лежавшего сейчас обезображенным в холодной могиле.

И если бы наш синеглазый подменыш, в общем и целом неплохо справившийся с ролью, имел хотя бы какой-то опыт в организации нападений и похищений хорошеньких девиц, кроме театральных постановок, он бы заметил странную вещь, когда выбивал дверцу. Та была закрыта не изнутри, а снаружи. Девушка не просто пряталась в возке.

Ее заперли.

Усиливался мороз. Клонилось к закату кроваво-алое солнце. Удалялись от финальной точки погони всадники в подбитых волчьим мехом плащах. Все только начиналось — и для белокурой девушки, тихонько плачущей под прикрытием мехового капюшона, и для подменыша, который скрипнул зубами и в который раз мысленно проклял себя за то, что ввязался в эту историю.

Глава 1

ЛУЧШАЯ ТРУППА КОРОЛЕВСТВА

Сумара!.. Кто не мечтал стать ее подданным? Властная, самодостаточная, такая огромная — не в пример соседним королевствам. И южный Галант, насквозь пропахший морем, вином, чесноком и рыбацким потом, и восточная змеино-лицемерная Шилса, торгующая девами для утех, благовониями и ядами, и многие другие королевства, княжества, республики и республички — они так малы и зависимы при всей своей кажущейся свободе! Ибо достаточно нескольких взмахов кисти по холсту или пера по бумаге — и вот уже прибрежные воды Галанта взбунтовались, пожирая побережье подобно неуправляемым монстрам, Шилса задушена жарой и истерзана кровососущими насекомыми, а в какой-нибудь крохотной республике одним дождем обошлись для смены власти. Осталось понять, кто машет кистью...

Известно кто! Кто-то из рыцарей Храмов, после заседания Совета, расписывающего все перспективы управления погодой и силами природы, от живых до неодушевленных. Нет в королевстве Сумара короля, уже два века как нет, а правит ее необъятными землями Совет Трех Храмов, поклоняющихся разным божествам. Первый Храм почитает Пана, чья длань простерта над каждым существом, от едва заметной глазу букашки до левиафана океанских глубин. Второй Храм служит богине Терре, во власти которой воды, почва, камни и раскаленная сердцевина земной твер-

ди. Третий же Храм поклоняется непостоянному Эолу, покровителю погоды и климата в целом. Таким образом, все живое и неживое повинуется действиям рыцарей-магов, да так, что не бывает в Сумаре страшных недородов, частых нападений вредителей на посевы, а хищников на стада. Каждая тварь под небом и под водой знает свое место, а природные катастрофы обойдут гигантские просторы королевства стороной. Вот так. И возьмут рыцари-маги за это благоденствие звонкой монетой, только плати вовремя.

Народ же сумарийский, как известно, вовсе не задним умом крепок, а на язык меток, он-то и дал рыцарям-храмовникам соответствующие прозвища.

Первый Храм — «зверопасы». Второй — вроде как «землегрызы» неплохо прижилось. Третий — «дождеплюи», а что, тоже словцо звонкое! Все любя, все любя! Только вот в присутствии рыцарей кидаться словечками нежелательно, за такое и язык отрезать могут. Рыцари шуток-то не разумеют — зря, что ли, отступились они от остальных божеств, распоряжающихся чувствами самыми разными, от любви до ненависти, — да и чувством юмора заодно. Нет, господа храмовники сами от чувств не отказались, это им не по силам, они такие же смертные и слабые люди, как и все прочие. Но в брак вступают и обзаводятся потомством далеко не все из них, а многие стараются себя сдерживать и ограничивать, ибо сильные эмоции и душевные порывы мешают совершенствовать чистое искусство, идущее рука об руку с магией.

Живопись — вот то самое искусство.

Да не какой-нибудь лубок с ярмарки, и не портреты на стенах богатых замков, и даже не роспись сводов Главной сумарийской капеллы, поражающая гостей королевства настолько, что среди них известны случаи потери сознания от непостижимого восторга. Нет. Тот, кто творит высшую магию, обязан владеть особой техникой живописи под названием «*сфумато*», стирающей границы между ре-

альностью и грезами, обволакивающей дымкой контуры предметов так, что их можно вынести за пределы холста — или поместить туда. Да что там холста! Простой набросок, сделанный на обрывке пергамента обломком грифельного мелка, может стать проводником к чуду, если к нему приложил руку высокородный рыцарь-маг или тот, кто прошел полный цикл обучения мастерству при одном из Храмов. А что? Земля Сумары на таланты богата, и в школах, открытых храмовниками для пополнения рядов подмастерьев и мастеров, можно видеть детей незнатных горожан, ремесленников, торговцев и пахарей, а то и вовсе подкидышей из сиротских приютов.

Постижение мастерства не обходится без соблюдения важнейших правил. *Первое* — на обучение никогда не возьмут иностранца, ибо секрет магии живописи должен остаться государственной тайной и монополией Сумары. Это же статья дохода! *Второе* — на ведущей руке каждого, кто овладеет искусством сфумато, ставится невидимая глазу магическая метка одного из Храмов — как подпись под контрактом. Печать Леонардо, так ее называют. Связь Печати и каждой работы мастера нерушима, по ней всегда можно найти автора, и если тот наделает бед (например, употребит магию для колдовства во вред ближнему или отправится самовольно управлять погодой куда-нибудь в солнечный Галант), не сносить ему головы. Впрочем, голову-то не тронут, но лишат незадачливого живописца самого ценного — глаз и рук, и будет он просить милостыню до конца дней своих, оставшись никчемным калекой. *Третье* — если ученик не прошел всех ступеней посвящения, а среди них есть и тайные, особые для каждого из Храмов, — то нет у него права ни на Печать, ни на деятельность в качестве мага, тут не на что рассчитывать. Пусть идет в обычные художники, чьим уделом, в зависимости от таланта, могут быть и грошовые лубки, и портреты за сотни *гольдано*, и роспись сводов Капеллы вкупе с реставрацией,

ибо ведется и то и другое уже две сотни лет. И маляры нужны, кстати, тоже.

Плоды применения сфумато можно узреть в самых разных сферах бытия и порой там, где особо никто не ждет. А если дождется да увидит, то будет знать следующее: тот, кто может позволить себе сфумато, — зажиточен и успешен, ибо стоит эта магия дорого. А еще у него фантазия хоть куда, ибо порой область применения сфумато никакого отношения к деятельности Храмов не имеет.

Так думают и жители города Фьоридо, традиционно становящегося столицей Сумары на осенне-зимний период, валом валя на очередное представление странствующего театра, запоздало завершающего осенний сезон гастролей в самом начале первого зимнего месяца — по просьбам главы Магистрата, не желающего оставить город без полюбившегося развлечения. Ой-ой, да кто же не захочет увидеть спектакль, где все декорации оживают по мере развития сюжета пьесы, над залом пролетает чуть ли не всамделишный дракон, сцена вдруг обрастает настоящим лесом или заменяется стеной воды, каким-то чудом не обрушивающейся на зрителей! А прочие чудеса, вроде порхающих по залу живых бабочек или ярких тропических птиц? А сменяющие друг друга картины местности, если надобно показать бешеную скачку? А чертоги с бесконечными залами? Где вы такое еще увидите — разве что в следующем году, когда лучшая труппа королевства (они сами себя так называли, но никто и не спорит) сочтет нужным посетить ваш городишко, или где вы там живете.

— К нам, к нам! — зазывают верткие мальчишки и девчонки в ярких костюмчиках. — Последняя гастроль!

Но нет, в мелкие городишки лучший театр Сумары вряд ли приедет, возни много, а финансового выхлопа — голубь какнул, одна срамота. Вот и тянутся во Фьоридо любители зрелищ, порой целыми семьями. Место-то в театре всем найдется — и дорогие билеты в партере по десятку гольда-

но ценой уйдут влет, и амфитеатр раскупят за *нитенсо*¹, от пяти до двадцати за место. На галерку же в конце сезона и вовсе пускают задаром, без платы в обычный один медяк, там можно стоять и толкаться сколько душе угодно, лишь бы не раздавить друг друга. Так что милости просим, сегодня в последний раз дают любимую пьесу почтенной публики: «История любви девы Инес и славного разбойника Альдо». Разумеется, к третьему акту дева таковой не останется, а упомянутому разбойнику предстоит пройти путь от бесстыжего похитителя юных знатных девиц до супруга капризной красавицы, покоренной, перевоспитанной и в финале отдавшей предпочтение вольной жизни со своим похитителем.

Огромный столичный театр полон. Ни у кого нет сомнения, что в этот вечер кассу ждет прекрасная выручка, а пятеро крепких парней, владеющих короткими мечами и метательными ножами лучше, чем столовыми приборами, присматривают за туго набитыми звенящими мешочками. Содержимое их распределяется согласно контрактам с актерами и всей обслугой театра, от постоянной до нанятой в городе на время гастролей. Недовольным не останется никто, включая тех самых крепких парней. У них ведь есть еще обязанность — охранять полсотни бесценных картин-сфумато, оживающих в качестве декораций для спектаклей, и стоят эти картины баснословно дорого. Разумеется, они застрахованы, и не зря.

Вы знаете, кому приписывают их авторство? Самому *Гвидо Алмазные Пальцы!* Личность почти мифическая, ибо нет равных его таланту ни среди живых, ни среди мертвых, поскольку автор полотен упокоился с миром. Его художественное и магическое наследие бесценно, а картины можно встретить в запасниках всех Храмов (случай исключительный!) — и даже вне оных. Этот случай тоже особый,

¹ От *лат. nitensо* — «блестящий».

потому что собраны картины-декорации в одних-единственных руках.

— Пабло! Шевелись! Смотри, складки занавеса смяты, как платье у дешевой девки. Поправь немедленно! — слышится громовой голос откуда-то из кулис.

— Да, Марко! — откликается Пабло с почтением. — Уже бегу!

В ответ слышится одобрительное ворчание, а громовой голос становится тихим и ласковым, потому что теперь обращен к женщине, да какой хорошенькой...

— Амалия! Если вы не ослабите шнуровку платья на вашей чудесной, обольстительной осиною талии, то задохнетесь к концу первого акта, а ваши грудки, эти божественные яблочки, просто вывалятся из корсажа. Что я буду делать без своей примадонны? Пойду по миру с протянутой рукой, ибо заменить вас невозможно!

Примадонна розовеет от смущения и удовольствия. Обладатель голоса вне действия пьесы к яблочкам ни разу не прикоснулся, а мог бы, ему намекали неоднократно.

— Марко... — Красотка Амалия вздыхает и соглашается на все, глядя куда-то в кулисы безнадежным влюбленным взором. — Только ради вас.

— Умница.

Теперь ласковый голос снова меняется, переключаясь на сугубо деловой тон, ведь разговор ведется с казначеем.

— Маурицио! Готовьте сезонные расчетные листы для всех. Не забудьте приписать сверх обычной платы двум рабочим сцены — тем дуракам, которые упали со строительных лесов.

— Эх, Марко... — бурчит пожилой казначей. — Я бы не отсыпал им ни нитенсо сверху. Кто велел им лазать без страховочных тросов? Чай не обезьяны из галантской сельвы, должны соображать.

— Вот именно, не обезьяны. Те умнее. А этим дурням придется кормить зимой свои семьи. Делайте, что я сказал.

Казначей молча и уважительно склоняет голову. Он знает, что хозяин театра не ограничится тратой серебра на пострадавших рабочих. Тот, кого зовут Марко, отправит в городской приют дежурный еженедельный мешок хлеба и сладостей — для тех самых мальчишек и девчонок в ярких костюмчиках, что работают зазывалами на городских площадях. Хозяйка приюта молится на него, как и ее подопечные, которые увлечены новым делом и реже шарят по карманам и поясным кошелькам зевак на ярмарке.

Кажется, все любят и уважают Марко. Кстати, а кто он такой? Да вон он, широкими шагами торопится в гримерку. Марко Синомбре¹ собственной персоной: хозяин театра, автор всех пьес, импресарио, исполнитель десятка главных и второстепенных ролей, да к тому же единственный (по слухам) наследник коллекции полотен-декораций сфумато, написанных Гвидо Алмазные Пальцы. Седьмая вода на киселе, троюродный внучатый племянник, но завещание великого мастера было составлено в его пользу. Гвидо странствовал по всей Сумаре, нигде не задерживаясь и не афишируя своей личности. Его вообще толком никто не знал в лицо, разве что рыцари Храмов самого высокого статуса — Командоры. Не сохранилось ни единого портрета, а смерть его окутана тайной. Много лет ходят слухи, что Гвидо и не умирал вовсе, а переселился в свой собственный мир, созданный на одном из полотен. Но где оно, как выглядит, зачем было написано — никто не знает.

Врут, скорее всего. О самом Марко Синомбре тоже мало что известно, кроме того, что бывшему сироте из приюта повезло, как немногим, когда на него свалилось наследство. Распорядился же он им грамотно, тут не придерешься. Счастливчик, хоть и Безымянный.

— Марко, — выжидательно мурлычет Амалия под дверьми гримерки, — нам пора.

¹ От *исп.* *sin nombre* — «без имени».

Да-да, сейчас погасят факелы, пора начинать спектакль, а Марко сегодня в роли горячего соблазнителя Альдо. Самая зрелищная сцена стартует с первых секунд поднятия занавеса — та самая бешеная скачка по лесу, с остановкой кареты, дракой, выбиванием дверцы и похищением девушки. Только исполнителю главной роли осталось нанести особый грим...

Вот он, стоит перед зеркалом. Настоящая внешность молодого мужчины, носящего говорящую фамилию Синомбре, не отличается красотой. Он высок, жилист и худ, сутуловат. У него тяжелый размашистый шаг, лишенный величавой поступи аристократов — парень-то наш вроде как из простых (по крайней мере, все в этом свято уверены). Высокий лоб с острыми залысинами по линии светло-русых волос, скуластое невыразительное лицо, серые глаза, ничем не примечательный нос и тонкие губы — вот и все описание. Если вы мужчина, то вряд ли станете рассматривать обладателя внешности как соперника; а если женщина — то вряд ли захотите иметь такого возлюбленного.

Но! Только пока этот тип не заговорит. А говорит он великоленно, как и декламирует стихи. Можно сказать, не просто говорит, а околдовывает речью. За словом в карман не лезет, проявляя грубоватый меткий юмор в беседе с мужчинами и расточая неуловимо изысканные комплименты женщинам. Поет, аккомпанируя себе на лютне, виртуозно лаская ее струны длинными, тонкими, но такими сильными пальцами. Эти пальцы в случае необходимости не менее ловко берутся за меч, так что парочке (ой, минимум двум десяткам) обманутых мужей — обладателей ветвистых рогов — так и не удалось поквитаться за обнаруженные в покоях жен веревочные лестницы. Точный возраст Марко никому не известен (разве что ему самому), он вроде бы приютский подкидыш — от двадцати пяти до тридцати лет. Но все это теряет значение, когда он преображается для выхода на сцену.

Три портрета-сфумато, написанных Гвидо Алмазные Пальцы, служат гримом для хрупкой магии перевоплощения на несколько часов. Эти портреты хранятся в особом кофре, ключ от которого Синомбре всегда носит на цепочке под одеждой и не доверяет никому. Три образа героев: пылкий красавец-любовник, умудренный сединами старец и потешный уродец-горбун — личины используются Марко *только* для выхода на сцену, для этого есть специальное разрешение Магистрата, оформляемое через особый запрос в Совет Храмов заново во время гастролей в каждом городе. Иначе нельзя, за самовольное использование sfumato по головке не погладят.

— Иду! — быстро откликается Марко на зов своей примадонны, жаждущей прикосновения его тонких сильных пальцев к своим крепким яблочкам хотя бы в процессе представления.

И он выходит. Смоляные кудри. Орлиный нос. Мужественный подбородок с ямочкой. Косая сажень в плечах. Амалия тает под его взором — так будет и со всеми представительницами прекрасного пола в зале, от знатной мэйс до вертлявой торговли-лоточницы, снующей с орешками и цукатами между рядов кресел и скамеек. И многие мужчины захотят быть похожим на бесстрашного обаятельного разбойника, забыв о том, что он всего лишь актеришка.

Но все они — и зрители, и актеры, и дюжие охранники, и зазывалы, и все-все не знают крайне важных вещей, тайну которых Марко Синомбре намерен пронести сквозь свою жизнь и затем прихватить с собой на тот свет.

Изначально не было никакого Марко Синомбре. У него от рождения совершенно другая фамилия, не имеющая отношения к прозвищу приютского сироты. Нет официального наследника знаменитого Гвидо, а завещание поддельное. А как же те самые полотна, спросите вы, холодея от возможной догадки, и будете тысячу раз правы. Только не произнесите этого вслух, иначе театр останется без хозяина.

Гениальный маг-живописец, создавший множество декораций-сфумато, только что вышел из гримерки. Все картины, охраняемые дюжими парнями, — подделка, как и магические оттиски Печати Леонардо на них, указывающие на авторство великого Гвидо Алмазные Пальцы. А в личном кофре Марко Синомбре не три разрешенных Магистратом портрета, а десяток. Так, на всякий случай — вдруг придется круто изменить жизнь и исчезнуть. У самого-то Марко никакой Печати Леонардо нет и в помине, не имеет он права на магию сфумато, он преступник с точки зрения всех трех Храмов и гражданских властей заодно...

Спектакль начался. На сцене разворачивалась та самая безумная скачка, полюбившаяся публике. Слышались крики, рукоплескания, бурные восторги и сдержанные одобрения. А из полузатененной ложи, предназначенной для самых богатых и знатных театралов, за действием наблюдал один-единственный зритель, хотя ложа была рассчитана на десять персон. Он выкупил ложу за огромную сумму в триста гольдано — так же как сделал и вчера вечером. Крепкий старик в черных с золотом одеждах — смуглый, седобородый, с крючковатым хищным носом и властным, умным, полным колючей злой иронии взглядом. Была и третья составляющая во взгляде — тщательно подавляемое отчаяние. Его левая сухая кисть с узловатыми пальцами (безымянный был украшен брачным перстнем с турмалином) сейчас лежала на бордюре ложи, выступая из полумрака, как будто отрезанная от тела безвольная часть, но вот и она исчезла.

Старец убрал руку, досмотрел до конца сцену погони и высидел в ложе почти весь первый акт целиком, бдительно присматриваясь к игре Марко в роли разбойника и соблазнителя. А затем с достоинством покинул здание театра в сопровождении двух дюжих стражей в подбитых волчьим мехом плащах.

Глава 2

ХОРОШИЙ РЫЦАРЬ – МЕРТВЫЙ РЫЦАРЬ

— Эолова башка! Как я устал!

Марко со стоном повалился на низкий диванчик в своих комнатах на постоялом дворе тетушки Элегии, старой девы с рейтарской выправкой, доставшейся этой достойной даме по причине сугубо отцовского воспитания.

Он имел полное право так говорить. В последний день гастролей Марко пришлось подняться в пять утра, поскольку, будучи хозяином всей своей театральной империи, он был обязан завершить массу важнейших дел, прежде чем приступить к исполнению главной роли в вечернем представлении. Он успел все: и расплатиться в лавках, и снести свои личные сбережения в парочку банков, где меняли золото на боны и именные выписки, и подмаслить кое-каких чиновников (если не задобрить их по мелочи, в следующий раз запросят за аренду городской недвижимости втрое больше), раздать указания всем своим подчиненным, чтобы каждый винтик в хорошо отлаженном механизме работал как положено. Тетушка Элегия, хозяйка постоялого двора, с удовольствием позволяла арендовать свои помещения для театра на весь сезон — от гостевых комнат до конюшни, — потому что пестрая актерская братия подчинялась железной дисциплине, установленной Синомбре раз и навсегда. Он не церемонился с нарушителями, рассчитывая в тот же день и выставляя вон из труппы, а потому нарушителей не было давно.

За окнами с толстыми дутыми стеклами мягко летели хлопья снега, кружившиеся в свете факелов, на которые по установленному обычаю в складчину раскошеливался весь квартал, считающий себя приличным и более-менее зажиточным. Зима — время для гастролей по теплым южным окраинам Сумары, поближе к бесшабашному Галанту, только репертуар надо чуток сменить. У тамошнего на-

рода кровь горячая, да и галантцы из разряда аристократии подтянутся полюбоваться на пьесы в декорациях-сфумато, а эти господа отличаются вольными нравами. Трагедии и драмы долой! Да здравствуют комедии и легкомысленные любовные истории с обилием песен и непременно фривольной составляющей!

Только вот есть одна загвоздка: надо было выезжать из Фьоридо раньше недели так на три. Засиделись артисты, потому что репертуар шел на ура, а доход превысил возможные ожидания. Часть труппы и вовсе теперь захочет отдохнуть неделю-другую, насладиться сезонной премией и пожить на широкую ногу. Повозки с реквизитом и женщинами — от примадонны, пяти актрисочек второго плана и плясуний до белошвейки и поварихи тоже вскачь не полетят. Путь-то займет почти месяц, ибо впереди еще и горный перевал, пролегающий от южной окраины Ледяных пустошей практически до границы с Галантом. Перевал этот, скорее, представляет собой невысокие остатки горного плато со срезанной верхушкой — над этим немало потрудились в свое время рыцари-«землегрызы», наладившие прямой путь между двумя королевствами. Не будь перевала, пришлось бы двигаться в объезд горной цепи, которую из-за камнепадов и селей не зря когда-то называли Убийцей Путников.

Сейчас там никто не гибнет. Горы укрощены, а хозяева суровых Ледяных пустошей, род Ди Йэло, по двустороннему договору Сумары с Галантом контролируют смертельно опасную зимнюю погоду на перевале — дабы торговые караваны беспрепятственно могли двигаться в обе стороны даже в холодное время года. Но как ни крути, дорога время отнимет. Путешествуй Марко в одиночестве, он бы втихаря прибегнул к сфумато, сократив путь от пейзажа к пейзажу (такое можно вытворять только рыцарям Храмов по разрешению своих Командоров), но с толпой народу

дельце не провернуть. Погода же Марко вовсе не указ, не указ. Но — тсс, этого никому знать не нужно.

Кстати, о Ледяных пустошах...

Фьоридо взбудоражен не только последними театральными представлениями. Прямо скажем, если бы не риск виселицы и прочих возможностей расстаться с жизнью, горожане (независимо от принадлежности к сословиям) могли бы и народные гуляния устроить. Интересные новости путешествуют быстро: вроде как пятого дня расстался со своей нечестивой жизнью сам Лодовико Ди Йэло Третий, нынешний мессир Ледяных пустошей. Владения рода Ди Йэло прилегают вплотную к округу Фьоридо, они воистину огромны. Случился у Лодовико поединок со старшим сыном Командора Первого Храма, да и ухайдакали рыцари друг друга насмерть.

— Причина? — вполголоса шушукались обыватели по трактирам.

— Да кто их разберет, благородных! С жиру перебесились, поссорились из-за бабы, нахамили друг другу, перешли дорогу в финансовых или политических интересах — все что угодно.

Правда, сына Командора, мессира Томазо Де Лаго¹, искренне жалели, занеся его смерть в личную безразмерную копилку грехов *Нечистого во плоти*, мессира Лодовико. Томазо никому не сделал зла и любил жизнь во всех ее проявлениях. На теплых плодородных равнинах, принадлежащих его роду, снимали обильные урожаи трижды в год, земли были полны живности. А какую красоту он навел: хоть лес, хоть роща, хоть луг, хоть озеро — загляденье! И налоги Де Лаго брали щадящие, не в пример жадной семьеке Ди Йэло.

Только ненависть не разбудишь одними высокими налогами. Мессир Лодовико прославился по полной, да не лучшим образом. Ему приписывали громкие заказные

¹ От *исп. de lago* — «озерный».

убийства неугодных — с помощью стали или яда (включая вероломное нападение на собственного старшего брата); смертельные или финансовые подставы парочки приятелей (рыцарей Третьего Храма, стремительно делающих карьеру в Совете); похищения хорошеньких девиц. Да если бы только простолюдинкам подолы задирали, а то ведь высокородным мэйс во время весеннего карнавала нельзя было полагаться даже на охрану из слуг и собственных братьев — охрана будет перебита, а девушка обесчещена.

Все, что творил Лодовико с юных лет, покрывал и оправдывал его собственный отец, Армандо Ди Йэло, сделавший младшего сына наследником после странной смерти старшего. Слепая отцовская любовь сносила все — тем более что в молодости, по слухам, сам Армандо тоже не был образцом благонравия. Пять лет он продержался в Командорах Третьего Храма — а потом, после рождения младшего сына и какой-то непонятной беды, случившейся с женой, вдруг ушел в отставку и занялся воспитанием детей. Какие плоды принесло его воспитание, судить было можно по бесчинствам Лодовико, названного так по имени прадеда.

А имя это пока что чтили и помнили. Лодовико Второй был великим мастером сфумато. Он входил в число тех рыцарей, что свергли жестокого короля-чернокнижника и уничтожили призванные проклятым родом демонические силы, требующие все новых человеческих жертв в умирающем, истерзанном стихиями и злой волей мире. Мир выстоял. С тех пор и правил Сумарой Совет, а потомкам рыцарей-освободителей навечно были завещаны Уставом каждого Храма места в этом Совете. Согласно местам — и немалые обязанности. Каким бы чудовищем ни был мессир Лодовико, управлять зимним холодом в гигантском климатическом коридоре Ледяных пустошей должен именно он — и этой обязанности и присяги перед Храмом он не нарушал *никогда*.

Но причиненное им зло осело в свежей человеческой памяти жирным налетом грязи на стенках закопченного котла. А тот факт, что он был убит за пару-тройку недель до собственной свадьбы, и вовсе заставлял простой люд тихо радоваться за несостоявшуюся невесту. Договорной брак был заключен на бумаге, едва малышке исполнилось три года — так часто поступают знатные семьи, не желающие разбазаривать веками накопленное добро. Невесту начали жалеть, и уже давно. Сама она тоже не могла не знать о репутации жениха, а потому должна была готовиться к худшему. Похищенные Лодовико девушки частенько теряли разум — таковы были печальные последствия его несдержанной жестокости. Его старательно избегали даже самые высококлассные куртизанки, берущие плату по сотне гольдано за ночь, а черные с золотом одежды древнего почтенного рода Ди Йэло стали ассоциироваться с неуправляемым жестоким хищником.

— А он точно сдох? — снова и снова задавались вопросом обыватели не только в трактирах, но и в убранных gobelенами залах богатых палаццо.

И важные ответные кивки головой тех, кто считал себя в курсе последних новостей, были восприняты с тщательно скрываемой (а кое-где и неприкрытой) радостью. Может быть, рыцари и вздохнули с облегчением после того, как из их рядов исчезла самая паршивая овца, но Устав не позволяет им терпеть оскорбление памяти друг друга. Осенью и зимой цвет рыцарства Храмов находится во Фьоридо и окрестностях вместе со своими Командорами. Так что веселитесь, господа, тихонько, без демонстрации восторга — а то ведь до плахи во внутреннем дворе Магистрата недалеко.

Вот в какие дни завершал Марко Синомбре свои гастроли во Фьоридо. Теперь он лежал на диванчике, стащив сапоги и с наслаждением закинув свои длинные жилистые ноги на спинку предмета мебели. Ноги-то гудели, побегали с пяти утра до позднего вечера.

— Пабло! — заорал Марко. — Беги на кухню к Элегии, неси, что осталось поесть!

— Уж для вас-то останется! Сейчас все будет! — заверил тот самый Пабло, что поправлял кривые складки на занавесе.

Щуплый черноглазый парнишка пополнил ряды театральной братии в свите Синомбре четыре года назад, перед началом зимнего турне по южным городам. Дети-то в сиротских приютах частенько появляются из-за банальных и страшных вещей — уособиц знатных семей, вспыхивающих быстрее, чем успевали вмешаться высшие рыцари-храмовники, владеющие теми или иными землями. А на юге Сумары, где до сих пор много значили законы кровной мести, вместе с заварившими убийственную кашу дворянчиками порой бывали вырезаны целые деревни. Путь каравана театральных фургонов пролегал мимо страшного пепелища одной из таких деревень. Марко тогда стиснул зубы и подумал: вместо того чтобы летом малевать пейзажи залитой солнцем пашни с золотыми тугими колосьями, где просматривается каждое зернышко, местный мессир из «зверопасов» мог бы силой приструнить зарвавшуюся в своей гордыне аристократию, по осени устраивающую локальные войны с помощью своих вилланов.

Урожай сам-сто сгнил на корню. Некому было его убирать осенью, за оружие хватались даже женщины, мстящие за убитых мужей. Мстить собирался и единственный обитатель заброшенной деревни — тощий злой мальчишка, ночью решивший подкрепить свои силы курицей, украденной у артистов, которые остановились на ночлег в чистом поле.

Кто-то из крепких парней, выполнявших функцию охранников, выловил ночного воришку без особого труда, выяснил намерения (своровать курицу — наесться досыта — вырасти — отомстить обидчикам) и надавал по шее.

— Мститель, тоже мне! Марко, что делать с этим оборвышем?

Ничего не ответил Синомбре, только молча кивнул в сторону костра, откуда слышался женский и мужской смех, музыка лютни и арфы и струился такой вкусный запах позднего ужина — не только жареной курицы, но и сытной похлебки. Тощего мальчишку накормили и дали ночлег, будучи уверенными, что поутру недосчитаются какого-нибудь мелкого имущества, но... Утром Синомбре проснулся, поеживаясь, вылез из-под полога фургона и обнаружил, что ночной воришка яростно начищает его сапоги, оставленные около колеса. Да столь усердно, что вот-вот протрет дырку в дорогой галантской коже.

Вот так и остался Пабло при театре. Вырос, оброс здоровым и крепким юношеским мясом, выполнял поручения, помогал с лошадьми и реквизитом. В Марко он души не чаял, готовый сорваться с места по первому зову. И, наверное, если бы вдруг всплыли темные делишки хозяина с незаконным сфумато, да узнай Пабло об этом, — легко дал бы себя изуродовать, отдав руки или глаза.

А вот сбегать на кухню он не успел и вернулся к хозяину с важным мальчишкой-посыльным в зеленом камзолчике. От кого пришел щеголеватый отрок, Пабло прекрасно знал.

— Марко! — кивнул он на посыльного и не удержался от того, чтоб не скривить непочтительно губы. — Тут к тебе от *этой*.

— Не от «этой», — надулся отрок так важно, что Пабло (посыльный едва доходил ему до плеча) захотелось пнуть того под зад, обтянутый зелеными же штанцами. — А от мэйс Оттавии!

Назвать Оттавию Вега «мэйс» можно было только из очень большой вежливости. Сия дама полусвета владела высоким и светлым палаццо и роскошным парком при нем неподалеку от постоянного двора Элегии, в восточной части

города. Там были сосредоточены мелкие банки, игорные дома, лавки торговцев и... дома увеселений тоже. У Оттавии по вечерам собирались лучшие куртизанки Фьоридо, а также певцы, поэты, художники и прочие творческие личности. И настоящие господа благородного происхождения и дамы порой тоже — но часто с огромными предосторожностями и максимальным сохранением инкогнито.

— Вас приглашают на приватный спектакль, мессир Марко! — прогнусавил одетый в зеленое посланец, раздувшись от важности так, что желание Пабло относительно пинка существенно усилилось.

Синомбре же только прыснул в кулак, принимая на диванчике сидячее положение.

— Я такой же мессир, как красotka Оттавия — мэйс.

Выражение «приватный спектакль» могло означать что угодно — от чтения куртуазных баллад для какой-нибудь перезрелой вдовушки, жаждущей сугубо платонического общения, до исполнения коротких непристойных любовных песен по просьбе молодой прелестницы, сбежавшей под крылышко к Оттавии от старика-мужа — на один вечерок, под видом выезда к модистке. Второй вариант приватного спектакля часто заканчивался горячим интимным продолжением, а женщин Марко любил не меньше, чем театр, и они отвечали ему такой же пылкой страстью. За чтение баллад для почтенной аудитории платят звонкими гольдано, а талант Марко оценен по достоинству, тут пахнет кошельком с той же сотней. За непристойные песни воздают сладкими и жаркими объятиями. Всему свой гонорар в этом мире.

— Пабло, — подмигнул Марко, — готовь ванну и чистое исподнее! Стряпню тетушки Элегии оставим на утро, а сейчас пошли кого-нибудь в таверну к Марио за порцией морских гребешков на гриле да с перечным соусом. Мало ли что, я должен быть в форме.

Отрок в зеленом слегка поклонился.

— Что передать мэис Оттавии?

— Передай, что мессир Марко прибудет через час.

Отрок поймал на лету брошенную медную монетку-купро и шустро исчез за дверью практически одновременно с Пабло, вслед которому летело напутствие:

— Да скажи, чтоб не вздумали класть в соус чеснок!..

Не хотелось бы испортить приватный спектакль чесночным выхлопом, подумал Марко Синомбре и поторопился совершить омовение. А то мало ли что может приключиться нынче ночью...

Он был дальновидно прав. Только ошибся в характере приключения.

Извилистые улочки, мощенные гладкими серыми плитами, покрытыми первым тонким ледком, коротким маршрутом привели мужчину в знакомый уголок города, где в обрамлении извилистых, одетых в кружево камня каналов раскинулся парк. Естественно, по пятам следовал верный Пабло, не расстающийся в темное время суток с крепкой дубинкой и длинным охотничьим ножом на поясе. Крестьянский сын, он не одобрял ночных походов хозяина, будучи уверен, что у дорогих девок из роскошного квартала под юбками те же самые прелести, что и у размалеванных посетительниц придорожных кабаков, а значит, все это сплошное надувательство и пустая трата времени. Но решения и поступки хозяина не обсуждаются.

В белесом танце падающих снежинок парк близ палатца госпожи Вега представал перед посетителями нарядной кокеткой, кутающейся в пуховую шаль. Аккуратно подстриженные лабиринты из вечнозеленого кустарника, благоухающие особым ароматным маслом светильники, посыпанные черным привозным песком с побережья Галанта дорожки — все говорило о вкусе и достатке хозяйки, чей веселый голос слышался из арочной галереи, по прихоти

архитектора расположенной не во внутреннем дворике особняка, а окружавшей его.

Оттавии Вега недавно исполнилось сорок лет. В этом возрасте многих куртизанок ждет неизбежный закат ремесла, но как будто вечно молодая красавица даже бравировала своими годами и не собиралась раскрывать никому секрета чудо-средств, которыми она умащивала кожу и сохраняла блеск волос. Правда, злые языки утверждали, что перед каждым вечерним выходом Оттавия проводит у зеркала не менее трех часов, создавая роскошный облик с помощью косметики и прочих ухищрений, разглаживая каждую морщинку. Проверить это не представлялось возможным — она давно не ложилась ни с кем в постель, переводя оказание услуг в совершенно иную плоскость — в организацию свиданий, в богемные вечеринки и прочее. Соперницы не раз пытались подкупить служанок из особняка Вега, но те получали такое высокое жалованье, что дорожили местом, а желающих разведать секреты госпожи обходили десятой дорогой.

Марко миновал галерею, около которой в ожидании остался Пабло, кутавшийся в теплый плащ, и предстал перед хозяйкой палатки, облаченной в немыслимой красоты платье со шлейфом из парчи жемчужного цвета. Золотистые косы лежали на полуобнаженных плечах, голубые глаза смотрели с приветливым прищуром. Вокруг вилась стайка гостей, среди которых были сплошь состоятельные господа, со спутницами и без оных. В нарядной толпе царила раскованная атмосфера, так что гость низкого звания мог позволить себе не отвешивать поклонов каждому встречному дворянину. Здесь все равны.

— Синомбре! — раздалось дружески-насмешливое сопрано голубоглазой красавицы. — Все-таки пришел!

Мужчина приложился к надушенной ручке, отвечая в тон, что не последовать приглашению было бы невежливо. Ручка ускользнула из его широких ладоней и, повинуясь

небрежному движению пальчиков, с ажурной каменной столешницы вспорхнул кубок из дорогого тонкого стекла, моментально наполнившийся игристым розовым *ламбруско* из ближайшей откупоренной бутылки.

А что? Ничего необычного. Это ведь магия сфумато — удел виртуозной работы живописцев-мужчин, до вершин мастерства из которых добираются единицы. А простенькой бытовой магии может научиться любая особа прекрасного пола, тут было бы желание и время. У представительниц низших сословий лишнего времени нет с малолетства, они и грамоте-то обучены одна через сотню, а что касается всех прочих — пожалуйста. Сейчас Оттавия задействовала приятные мелочи заклинания Встречи гостя — признак особого расположения. Марко принял кубок с прекрасным *ламбруско* и сделал пару глотков. Он не мог позволить себе больше, потому что пока не знал характера предстоящего приватного спектакля.

В неспешной беседе на ничего не значащие темы хозяйка и гость миновали высокие дубовые двери, обвитые плющом, и оказались во внутреннем крытом дворике особняка, где было гораздо менеелюдно, чем в арочной галерее. Тут уединялись парочки и за плотными бархатными портьерами там и сям скрывались многочисленные дверцы в уютные покои, убранные на разный лад. Каждое помещение имело отдельный выход в парк — ситуации-то бывают разные, иногда требуется поспешное бегство. Госпожа Вега приблизилась к одной такой портьере, расшитой бисером, и сделала гостю знак остановиться.

— Так для кого ты позвала меня сегодня, прелестная Оттавия? Почтенная вдовушка, мать семейства или — я надеюсь на это, клянусь Паном! — скучающая юная красотка, сбежавшая из объятий лысого пузатого старикашки?

— Ни то, ни другое, ни третье, — натянуто улыбнулась женщина, указывая Синомбре на прикрытую портьерой

дверь, а голос ее, прежде такой уверенный и жизнерадостный, сбился на жалкий шепот. — Это вообще не женщина. И даже не муж-рогоз, желающий с тобой поквитаться. Но прости, Марко... я *не могла* отказать. Можешь проклясть меня, если хочешь, но не позвать тебя я тоже не могла.

Только сейчас гость заметил, что в полутемном внутреннем дворике не просто малоллюдно, а по-настоящему пусто. И откуда-то, как из ночного мрака, бесшумно выступили несколько фигур в подбитых волчьим мехом черных плащах. Фигуры отгеснили Оттавию от гостя. Шлейф жемчужного платья стремительно удалялся, шурша парчой по мозаичным плитам пола.

Ловушка захлопнулась. Навряд ли выйдет нынешней ночью почитать душещипательные стишки задорого или заняться любовью. Хвататься за рукоять меча было совершенно бессмысленно, да Марко этого и не сделал, потому что насчитал вокруг себя шесть молчаливых фигур. Путь оставался один — к двери, портьеру над которой уже приподняла услужливая рука в черной перчатке. Другая рука в перчатке была вежливо протянута ладонью вверх. Марко все понял без слов и вложил в эту ладонь отстегнутые от пояса ножны вместе с коротким своим мечом. А из-за полуоткрытой двери раздался властный старческий голос, действительно принадлежащий мужчине:

— Входи, Марко Синомбре. Мы всего лишь поговорим по душам.

Где-то далеко слышался нервный смех предательницы Оттавии, встречающей новых гостей в приглушенном свете факелов в арочной галерее. Осуждал ли ее обманутый друг? Едва ли.

Тому, кто повелевает людьми в черных плащах с отделкой волчьим мехом, действительно не отказывают. Это же не кто-нибудь, а мессир Армандо Ди Йэло, бывший Командор Третьего Храма и отец убитого на поединке рыцаря.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Лучшая труппа королевства	11
<i>Глава 2.</i> Хороший рыцарь — мертвый рыцарь	21
<i>Глава 3.</i> Приватный спектакль	33
<i>Глава 4.</i> Беспокойная ночь и Ледяные пустоши	45
<i>Глава 5.</i> Сфумато гения и Анна Ди Йэло	57
<i>Глава 6.</i> Новая жизнь и Анна Салазар	68
<i>Глава 7.</i> Донателло и медведь	82
<i>Глава 8.</i> Сбежавшая невеста	98
<i>Глава 9.</i> Разговоры по душам и погоня	113
<i>Глава 10.</i> Холсты и свадьба	127
<i>Глава 11.</i> Синяя борода	142
<i>Глава 12.</i> Огни Ларга Ноче	153
<i>Глава 13.</i> Уши, сова и «Пьяная муха»	166
<i>Глава 14.</i> Вечерний досуг у каждого свой	180
<i>Глава 15.</i> «Устал»	193
<i>Глава 16.</i> Совет да нелюбовь	206
<i>Глава 17.</i> Об устройстве мира	221
<i>Глава 18.</i> О семейных тайнах	237
<i>Глава 19.</i> Кьяве Доро	251
<i>Глава 20.</i> Последний сюрприз Ди Йэло	263
<i>Эпилог</i>	277